

DOI: 10.31857/S086919080014779-3

СУННИТСКИЕ СИЛЫ ИРАКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В 2014–2018 гг.

© 2021

Г.Л. КРЫЛОВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5838-6298; german_krylov@mail.ru

Резюме: *Статья рассматривает ситуацию в суннитском политикуме Ирака накануне захвата Мосула ишидовцами¹ в 2014 г. и в период между парламентскими выборами 2014 и 2018 гг. Катастрофа 2014 г., когда значительная часть иракской территории оказалась под контролем экстремистов из «Исламского государства», в немалой степени была спровоцирована политикой центральной власти в отношении суннитской общины. Мощный импульс к её маргинализации был дан ещё американской оккупацией Ирака в 2003 г., одним из пропагандистских оправданий которой было освобождение шиитского большинства от диктата опирающейся на суннитское меньшинство властной верхушки. Недовольство суннитов игнорировалось федеральной властью, так что не могло не вызывать противодействия в суннитских политических кругах, порой доходившего до прямых выражений поддержки ИГИЛ, крайне негативно сказывавшихся на положении этой конфессии, когда-то контролировавшей все государственные структуры страны.*

«Мосульская катастрофа» привела к маргинализации суннитских политических сил и подтолкнула их на поиски компромисса с доминирующими в Ираке шиитскими игроками, прежде всего теми из них, кто подчёркивал светско-националистическую направленность своего политического курса (аль-Аббади, Аллави). Таким образом, снижение амбиций суннитских политиков, вынужденных доказывать свою лояльность Багдаду на фоне действий экстремистов из «Исламского государства» в суннитских провинциях, практически нивелировало автономистские настроения в среде суннитов и в целом привело к уменьшению межконфессиональной напряжённости, что само по себе можно расценивать положительно. Суннитских политиков несомненно привлекали умеренные лидеры шиитов, настроенные против межконфессионального противостояния, что в 2014 г. привело к смене парадигмы жесткого противостояния не настроенных на компромисс премьер-министра Нури аль-Малики и председателя парламента Усамы ан-Нуджейфи на парадигму осторожного, но конструктивного взаимодействия пришедших на их места Хайдара аль-Аббади и Салима аль-Джаббури.

Ключевые слова: Ирак, политика, суннитско-шиитские отношения, шииты, экстремизм, выборы.

Для цитирования: Крылов Г.Л. Суннитские силы Ирака в контексте политики федеральной власти в 2014–2018 гг. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 85–96. DOI: 10.31857/S086919080014779-3

¹ Члены запрещенной в России террористической организации «Исламское государство».

SUNNI POLITICAL ACTORS IN THE CONTEXT OF IRAQI FEDERAL POLICIES IN 2014–2018

© 2021

German L. KRYLOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5838-6298; german_krylov@mail.ru

Abstract: *The article deals with the situation in the Sunni political circles prior to the seizure of Mosul by ISIS in 2014 and within the period between the 2014 and 2018 parliamentary elections. The 2014 catastrophe, when the federal government lost control over vast territories in the west and north of Iraq, was to a large extent provoked by the policies of Shia-dominated Baghdad towards the Sunnis. A strong impetus to the Sunni political establishment marginalization was created by American occupation in 2003, propagandistically advocated by the need to liberate the Shia majority from the dictate of Sunni minority. The Sunnis grievances, largely ignored by the new authorities, eventually found output in strenuous opposition to Baghdad, sometimes going as far as to supporting the ISIS, at least verbally.*

The “catastrophe” of Mosul pushed the Sunni politicians to search compromise with Shia players, primarily with those of secular patriotic views (like al-Abbadi and Allawi). The ambitions of Sunnis were thus drastically moderated as they faced the imperative of proving their loyalty to the federal state while their provinces were under the “Islamic State” occupation. This actually put an end to the autonomists aspirations and in general lowered the intensity of sectarian confrontation. The Sunni politicians started moving closer to moderate Shias, whose popularity began to rise respectively. This trend resulted in 2014 in changing the antithesis of Nuri al-Maliki and Usama an-Nujeifi by incomparably more constructive duet of Haydar al-Abbadi and Salim al-Jabburi as the prime-minister and head of parliament.

Keywords: Iraq, politics, Sunni-Shia relations, extremism, elections.

For citation: Krylov G.L. Sunni Political Actors in the Context of Iraqi Federal Policies in 2014–2018. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 85–96. DOI: 10.31857/S086919080014779-3

СУННИТСКИЙ ПОЛИТИКУМ НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ 2014 ГОДА

В июне 2014 г. «Исламское государство» установило контроль над Мосулом, административным центром северо-западной провинции Найнава, населённым преимущественно суннитами, ранее захватив обширные территории к западу от Багдада. Эта катастрофа случилась не мгновенно – ей предшествовал целый ряд событий, ставших дурными предзнаменованиями для молодого иракского государства. В конце декабря 2012 г. суннитские районы Ирака охватили массовые протесты. Непосредственным поводом для их начала стал штурм дома министра финансов, суннита Рафи аль-Исави силами безопасности Ирака и арест 10 его телохранителей. Начавшись в Эль-Фаллудже, выступления суннитов перекинулись на другие города «суннитского треугольника» к западу и северу от Багдада. Их участники заявляли о неприятии политики премьер-министра Нури аль-Малики как проишиитской и антисуннитской. В шиитских районах начались встречные выступления в поддержку аль-Малики. Премьер наносил удары по демонстрантам-суннитам, используя контролируемые им силовые структуры. 23 апреля 2013 г. военнослужащие иракских

вооружённых сил осуществили рейд против протестующих суннитов в города Хавиджа к западу от Киркука, в ходе которого были убиты десятки людей [Al-Hukuma, 2013].

Обстоятельства падения Мосула были противоречивыми: отряды федеральной полиции четыре дня с оружием в руках пытались удержать город, а армия, в том числе гарнизоны, дислоцированные в непосредственной близости от города, не вмешивались в боевые действия. Деморализованные межконфессиональными противоречиями и коррупцией армейские подразделения уклонились от боёв и после захвата Мосула экстремистами. Под контроль боевиков попала обширная территория на севере и западе Ирака. Хотя завоеватели и заявляли о своей принадлежности к суннитскому исламу, их «успехи» знаменовали начало весьма трагического периода для суннитской общины страны. Суннитские политические лидеры оказались в сложной ситуации. С одной стороны, они были под подозрением у стремительно дезинтегрирующей государственной власти, где тон задавал не склонный к проявлению терпимости шиитский политик Нури аль-Малики. С другой, их жизни угрожали окопавшиеся на севере и западе страны игилловцы, руки которых легко могли дотянуться до Багдада. Аль-Малики противостоял не менее бескомпромиссно настроенный председатель парламента Усама ан-Нуджейфи, обвинявший шиитский политиком во всех бедах страны.

Сформированный по итогам выборов парламент, собравшийся на первое заседание 1 июля 2014 г., не без труда избрал председателем Салима аль-Джаббури, утвердил в должности президента курда Фуада Маасума, а тот в свою очередь поручил сформировать правительство умеренному политику-шииту Хайдару аль-Аббади, с чем последний успешно справился. По сравнению с непримиримыми аль-Малики и ан-Нуджейфи, аль-Аббади и аль-Джаббури были гораздо больше открыты для компромисса, что, несомненно, положительно сказалось на ситуации в государстве.

До катастрофы 2014 г. в суннитском политикуме можно было выделить два заметных направления. Первое – это резкая оппозиция Нури аль-Малики и правительству страны как главному виновнику всех проблем, воплощённая в Усаме ан-Нуджейфи. Второе – попытки сближения с шиитской правящей элитой на почве противостояния общей опасности, в качестве которой преподносились сепаратистские амбиции Иракского Курдистана. Наиболее жесткие оппозиционеры в отношении к правительству аль-Малики требовали предоставления суннитским районам автономии по аналогии с курдистанским самоуправлением. Об этом первым неосторожно обмолвился ещё во время визита в США в июне 2011 г. председатель парламента Усама ан-Нуджейфи, вынужденный после этого публично оправдываться, объясняя, что он выражал не личную точку зрения, но бытующее среди суннитов мнение [Tasrih rais, 2011]. Уже 27 октября 2011 г. Совет провинции Салах-эд-Дин присвоил этой административной единице полуавтономный статус, а 12 декабря того же года Совет провинции Дияла одобрил проведение референдума об автономии. Несмотря на то, что, согласно конституции, органы местного самоуправления имели соответствующее право, аль-Малики проигнорировал эти решения и даже принял в Дияле чрезвычайные меры, фактически представлявшие собой ввод в провинции военного положения [Sowell, 2012].

Серьёзным вызовом со стороны влиятельного суннитского политического клана ан-Нуджейфи (младший брат председателя парламента Асиль в 2009 г. был выбран губернатором северной провинции Найнава) была их попытка формирования политического альянса с Демократической партией Курдистана (ДПК) Махмуда Барзани. Первоначально декларирующие приверженность централизованному Ираку и отвергавшие амбиции курдов на большую автономию, представители рода ан-Нуджейфи решили пойти на сближение с курдистанскими политиками. Изменение политического курса явно было произведено в русле политики Турции, сменившей враждебное отношение к курдской автономии в Ираке

на благожелательное ради превращения Иракского Курдистана в рынок сбыта турецких товаров и источник нефтяного и газового сырья. Руководство Иракского Курдистана также определило сотрудничество с Турцией в качестве одного из приоритетов своей экономической политики, стремясь таким образом расширить автономию курдского субъекта в рамках иракского государства. Сближаясь с ДПК, ан-Нуджейфи также двигался в турецком направлении. Эта ориентация на Анкару в сочетании с намерениями на возможность суннитской автономии в дискурсе Усамы ан-Нуджейфи и близких к нему игроков вызывала неоднозначное отношение в суннитском политикуме Ирака в целом и раздражение аль-Малики [Sowell, 2020, p. 3].

Своих союзников имел в суннитском лагере и аль-Малики. Назовём здесь прежде всего вице-премьера Салиха аль-Мутлага из провинции Анбар, благодаря поддержке которого был принят бюджет 2013 г., запрещающий экспорт нефти из Иракского Курдистана напрямую, минуя Багдад. Курс аль-Малики поддерживали тогда губернаторы провинций Анбар и Салах-эд-Дин – соответственно Касим аль-Фахдави и Ахмад Абдалла аль-Джаббури. Последний, будучи избран на губернаторский пост в 2009 г., изначально был сторонником суннитской автономии, однако затем занял пробагдадскую позицию [Sowell, 2020, p. 3].

Недовольство суннитов политикой центра зрело довольно давно, хотя идея вооружённого противостояния никогда не была особенно популярной. Сунниты почувствовали себя ущемленными в правах в результате дебаасификации, проведённой под руководством оккупационной администрации Пола Бремера, их недовольство вызывали и практиковавшиеся американцами незаконные аресты. Неудивительно, что значительная часть суннитской общины всё же поддерживала идею борьбы с оружием в руках, что уже совсем скоро создало серьёзную базу для экстремистов из «Исламского государства», активно использовавшего опыт уволенных из армии офицеров-баасистов [Dhubbat baath al-Iraq, 2015].

Фигуры председателя парламента ан-Нуджейфи и вице-премьера аль-Мутлага стали центрами консолидации суннитских сил для участия в выборах 2014 г. Коалиция ан-Нуджейфи получила название «Муттахидун ли-ль-ислах» («Объединившиеся для реформы»). В неё вошли, помимо самого Усамы ан-Нуджейфи, его брат-губернатор Найнавы Асиль, лидер влиятельной суннитской партии «Аль-Халль» («Решение») Джамаль аль-Карбули и его брат – министр промышленности и минеральных ресурсов в правительстве аль-Малики Ахмад аль-Карбули², последовательный противник дебаасификации Зафир аль-Ани и связанный с военно-политическими формированиями «Ас-Сахават» («Иракского пробуждения») политик Ахмад Абу Риша⁴, активный участник антиправительственных протестов 2013 г. Ахмад аль-Масари, Салим аль-Джаббури⁵ и Аммар Юсуф Хаммуд из Исламской партии Ирака. Таким образом коалиция ан-Нуджейфи того времени носила весьма пёстрый характер, включая в себя сторонников мирных антиправительственных протестов,

² Джамаль аль-Карбули не был сторонником автономии суннитских районов, однако примкнул к ан-Нуджейфи ещё в 2013 г. ради укрепления своих позиций в провинции Анбар, чем вызвал раздражение аль-Малики. Премьер-министр в ответ распорядился провести обыск в офисе партии «Аль-Халль» в Багдаде, а вскоре в отношении его брата Ахмада аль-Карбули было открыто расследование. В 2016 г. при следующем премьер-министре – Хайдаре аль-Аббади – Ахмад аль-Карбули был приговорён к четырём годам тюремного заключения за коррупцию и злоупотребления служебным положением.

³ Финансировались США и противостояли с оружием в руках отрядам «Аль-Каиды». С выводом основной части американских войск из Ирака лишились финансирования. К 2013 г. фактически прекратили существование. Премьер-министр аль-Малики отказался интегрировать «Ас-Сахават» в иракские силовые структуры. Многие из оставшиеся без работы бойцы пополнили ряды ИГИЛ, образовавшейся на основе «Аль-Каиды» в Ираке, с которой раньше они вели борьбу [см.: Atwan, 2015, с. 83].

⁴ Брат Абдуссаттара Абу Риши, командующего «Ас-Сахават», убитого в результате теракта «Аль-Каиды» в 2007 г.

⁵ В 2014 г. стал председателем парламента.

поборников автономии суннитских районов, обеспечивавших интересы Турции в регионе, и членов поддерживаемой Катаром Исламской партии Ирака.

Другой предвыборной коалицией стал «Иттиляф аль-Арабийя» («Коалиция аль-Арабийя») вокруг партии «Аль-Хивар» («Диалог») вице-премьера Салеха аль-Мутлага, занимавшего в целом умеренные позиции в отношении аль-Малики. Это ослабляло его конкурентоспособность на выборах среди в целом оппозиционно настроенных суннитов, что заставило аль-Мутлага выступить с рядом критических заявлений в отношении аль-Малики перед выборами 2014 г.

Значимой фигурой в суннитском политикуме стал умеренный шиит Айяд Аллави, блок которого «Аль-Иттиляф аль-ватани» («Национальная коалиция»), выступал с националистических позиций, объединяя вокруг себя целый ряд суннитских политиков. Коалиция Аллави жёстко критиковала политику аль-Малики, однако не требовала автономии каких-либо регионов, чем качественно отличалась от оппозиционеров-автономистов ан-Нуджейфи. Большинство голосов в суннитском лагере по итогам выборов 2014 г. получили «Муттахидун» ан-Нуджейфи, численность депутатов которого тем не менее снизилась по сравнению с предыдущим составом парламента с 45 до 27, что явилось следствием увеличившейся политической раздробленности суннитов. Общая численность депутатов-суннитов и конфессионально нейтральных депутатов-шиитов блока Аллави снизилась со 101 до 76 мест. Аллави и Мутлаг получили по итогам выборов 2014 г. соответственно 21 и 11 мест (вместо 24 и 15 в предыдущем составе парламента).

Зато шииты-исламисты стремительно набирали вес, в том числе и за счёт оттока суннитских голосов к умеренному и надконфессиональному Аллави, что, с другой стороны, понизило рейтинг ан-Нуджейфи. Учитывая увязку ан-Нуджейфи с автономистскими настроениями, можно предположить, что причиной перетока части голосов багдадских суннитов от него к Аллави стало их опасение оказаться в изоляции в преимущественно шиитской столице в случае создания суннитской автономии в районах к западу и северу от Багдада. Если сравнить итоги прошедших в 2013 г. местных выборов в Багдаде с итогами общенационального голосования 2014 г., то можно увидеть, что на выборах в столичный совет шиитские исламисты получили в 2013 г. 73% голосов, а ан-Нуджейфи взял небольшое большинство оставшихся голосов (при официально наименьшей в Ираке явке на уровне 33% [Al-Maliki, 2013]). Аллави и Мутлаг взяли соответственно 23% и 21 % остатка. На парламентских выборах 2014 г. шииты-исламисты завоевали уже 75% [Sowell, 2020].

ОСЛАБЛЕНИЕ СУННИТОВ В ПОЛИТИКЕ И СБЛИЖЕНИЕ С ШИИТАМИ (2014–2018)

Новый президент Фуад Маасум 11 августа 2014 г. поручил формирование правительства более умеренному однопартийцу аль-Малики – Хайдару аль-Аббади. Как и аль-Малики, аль-Аббади был сторонником централизованного государства (и ограничения самостоятельности Иракского Курдистана, в частности), однако его имя не вызывало у суннитов негативных ассоциаций, связанных с попытками закрепить шиитское доминирование в политике. В эмиграции аль-Аббади проживал в Великобритании, в отличие от аль-Малики, переживавшего сложные времена в беспокойных Сирии и Иране. Это, очевидно, определило политический стиль аль-Аббади, характеризовавшийся большим спокойствием и стремлением обходить острые углы. Не желая расставаться с властью, аль-Малики предпринял последнюю отчаянную попытку – обвинил президента Маасума в нарушении конституции за несогласие выдвинуть его вновь в качестве кандидата на пост главы правительства (его коалиция «Государство закона» завоевала наибольшее число мест в парламенте, так что

аль-Малики вполне мог рассчитывать на третий премьерский срок) и отдал распоряжение разместить на улицах Багдада элитные подразделения ВС Ирака. США со своей стороны устами официального представителя Госдепартамента Джен Псаки выразили полную поддержку действиям президента Ирака и неприятие «любых попыток добиться каких-либо результатов путём насилия или процессуальных манипуляций конституцией или законами» [McDuffee, 2014]. Лишившийся доверия аль-Малики, потерявший обширные территории к северу и западу от Багдада, уже не имевший поддержки США, Ирана и иракских политических лидеров, вынужден был уйти.

Ослабшие в качестве парламентской силы по итогам выборов 30 апреля, суннитские политики так и не сумели создать сколько-нибудь эффективную собственную коалицию для противостояния радикалам из ИГИЛ. Самый критически удар был нанесён, прежде всего, по репутации ан-Нуджейфи и его блока «Муттахидун», всего за год с небольшим до этого игравшего влиятельную роль в суннитском протестном движении. В руки радикалов попала резиденция Усамы ан-Нуджейфи под Мосулом; его брат Асиль, губернатор провинции Найнава, административным центром которой является Мосул, был вынужден бежать из города и временно разместить провинциальную администрацию в контролируемом отрядами пешмерги Курдской демократической партии Талль-Кайфе на севере Найнавы. Асиль ан-Нуджейфи пытался спасти положение, маневрируя в курдском лагере и обещая сформировать исключительно суннитскую ударную силу, которая обойдётся без помощи контролируемых шиитами государственных силовых структур и сама освободит Мосул [An-Nujeifi: Tahrir al-Mosul, 2016]. Одновременно губернатор Найнавы пытался решить проблему с помощью контактов с баасистами, немало которых предоставили свой военный опыт в распоряжение радикалов, что сделало его persona non grata в глазах правящей шиитской элиты Ирака [Al-Waziri yakshif, 2019].

Наступление суннитских радикалов нанесло удар и по влиятельному суннитскому политику Хамису аль-Ханджару. Тесно связанный с Катаром и Турцией миллиардер, один из создателей участвовавшего в выборах 2010 г. альянса «Аль-Каима аль-иракыйя» («Иракский список»), основатель телеканалов «Ар-Рафидейн» и «Багдад», являющихся соответственно рупорами суннитской Ассоциации исламских улам и Исламской партии Ирака (входящих в структуру поддерживаемой Катаром международной сети «Братьев-мусульман») [Ragab, 2019]. Хамис аль-Ханджар вскоре после захвата радикалами Мосула в телеинтервью опрометчиво отождествил действия суннитских радикалов с позицией суннитского населения Ирака, «освободившего», по его словам, свои территории в результате «революции» [Lahzhat zhuhur Khamis al-Khanjar, 2017].

Ранее весьма громкий голос суннитской оппозиции багдадскому руководству зазвучал ещё тише после того, как радикалы «Исламского государства» в августе 2014 г. устроили геноцид йезидов в Синджаре, отправив тысячи йезидских женщин на рынок рабов. Заявление Хамиса аль-Ханджара о поддержке ИГИЛ явно не было случайным и отражало определённую политико-идеологическую тенденцию в суннитском сообществе Ирака или по крайней мере его части. Так, видный арабский публицист и журналист Абдель Бари Атван отмечает, что лидер «Исламского государства» Абу Бакр аль-Багдади пользовался серьёзной поддержкой нескольких суннитских племенных союзов. Одна из жён «мосульского халифа» принадлежала к крупному иракскому племени дулейм, насчитывающему более 7 млн человек, что обеспечивало ему опору в обществе, где родоплеменные связи ценятся высоко. А. Атван утверждает, что суннитские племена Самарры, родного города Абу Бакра аль-Багдади, и провинции Дияла присягнули ему на верность после его провозглашения «халифом» в июле 2014 г. [Atwan, 2015, с. 53]. Демарши такого рода не могли не бросить тень на официальный суннитский политикум и не вызвать подозрительного

отношения со стороны контролирующего Багдад шиитского большинства. Один из религиозных вдохновителей протестов 2012–2013 гг. в суннитском треугольнике – шейх Абдель Малик ас-Саади⁶, проживающий с начала XXI в. в Иордании и пользующийся огромным авторитетом среди иракских суннитов, также считал действия радикалов, приведшие к потере багдадскими властями суверенитета над обширными территориями на севере и западе страны, «революцией», хотя и осуждал ИГИЛ за преступления, бросающие на неё тень [Sowell, 2020, p. 8]. Ассоциация улама и проповедников Найнавы, обеспечивавшая религиозно-идеологическую поддержку ан-Нуджейфи в его родной провинции, хранила молчание. Ассоциация исламских улама Ирака, хотя и осуждала действия ИГИЛ в отношении христиан Мосула и провозглашение членов «халифата» экстремистами, высказывалась в поддержку вооружённого противостояния правительству [Sowell, 2020, p. 8]. Такая двойственность также не могла не сказаться на общем отношении к суннитам со стороны багдадского политического истеблишмента.

Подобно тому, как на отведенный шиитам пост премьер-министра пришел вместо фанатика аль-Малики его умеренный однопартиец аль-Аббади, так и в суннитской «вотчине» в должности председателя парламента жёсткий Усама ан-Нуджейфи был сменён относительно молодым Салимом аль-Джаббури, возглавлявшим в предыдущем составе парламента комитет по правам человека. Адвокат по профессии, избранный в парламент от провинции Дияла, аль-Джаббури производил впечатление более мягкого политика, хотя, как и ан-Нуджейфи, принадлежал к Исламской партии Ирака, известной своими связями с международной исламистской ассоциацией «Братья-мусульмане». Иракские условия не позволяли местному филиалу этого «интернационала» развернуться так, как это сделали их единомышленники в Египте или Турции, так что Исламская партия Ирака выглядела вполне умеренной, вынужденная целиком и полностью предаваться тактическому маневрированию.

Центральная власть в Ираке стремительно слабела, влияние государственных силовых структур становилось сопоставимым с влиянием возникающих вооружённых формирований иракских политиков, названных впоследствии благозвучным словом «хашд» (ополчение). Такими силами обзаводились шиитские лидеры, не отставали от них и сунниты. В начале августа 2014 г. теперь уже бывший председатель парламента Усама ан-Нуджейфи основал и возглавил «Батальоны Мосула», претендуя самим названием на роль будущего освободителя этого города с мандатом доверия народа. В провинции Найнава также действовали вооружённые формирования, принадлежащие депутатам Ахмаду аль-Джаббури и Абдуррахману аш-Шаммари, в соседней провинции Салах-эд-Дин – суннитская милиция Мишаана аль-Джаббури. Принципиальным отличием «Батальонов Мосула» ан-Нуджейфи было то, что бывший председатель парламента создал их самостоятельно без координации с «национальной комиссией по ополчению» при правительстве, в отличие от других суннитских формирований [Sowell, 2020, p. 8]. Правда, Усаме ан-Нуджейфи хватило мудрости однозначно осудить ИГИЛ, в то время как некоторые суннитские лидеры всё ещё пытались разглядеть «революцию» в действиях радикалов. Зато шейхи племён, проживающих в контролируемых игиловцами районах, оказались перед весьма трудным выбором. Если отряды «Ас-Сахават», боровшиеся в своё время против «Аль-Каиды», получали материальную поддержку от США, то в обстановке, сложившейся в 2014 г., багдадские власти не спешили вооружать суннитские племена для борьбы с ИГИЛ, считая, что сражаться против радикалов должна армия. Играли свою роль и сомнения Багдада в лояльности суннитских племён центральной власти [Sinatura, 2015]. Племена многострадального «суннитского

⁶ Родился в городе Хит в провинции Анбар к западу от Багдада. Преподавал в ведущих суннитских учебных заведениях Ирака, был членом Академии фикха при Организации Исламская конференция.

треугольника» оказались беззащитными перед террором «Исламского государства», насадившего в племенные структуры своих информаторов, так что нередко шейхи просто не имели другого выбора, кроме как присягнуть «мосульскому халифу» [Al-Ashair, 2015].

К тому же тезис о «революции суннитских племен» «разгонялся» «Аль-Джазирой» и другими панарабскими СМИ, фокусировавшими внимание на целом ряде неоднозначных моментов проводимой багдадско-курдистанской коалицией антитеррористической кампании. Вполне в духе этой концепции прозвучало сделанное в эфире «Аль-Джазире» в октябре 2016 г., всего неделю спустя после начала операции по освобождению Мосула, главой политического департамента Ассоциации исламских улама Мусанной Харисом ад-Дари заявление о том, что усилия проправительственных вооружённых формирований по вытеснению суннитских радикалов являются частью стратегии Ирана, продолжающей выдвигать исторические претензии персидских правителей на доминирование в Ираке и в стратегической перспективе в регионах Леванта и Персидского залива. Хотя М.Х. ад-Дари и не высказывал одобрения действиям «Исламского государства», его сравнение международной коалиции под руководством США с крестоносцами звучало весьма выразительно. Убедительно выглядел и озвученный им тогда тезис о том, что США со времени событий 11 сентября 2001 г. используют предлог борьбы с терроризмом для закрепления своего военного присутствия в ближневосточном регионе. Ад-Дари также констатировал наличие религиозных мотивов в участии проправительственных шиитских вооружённых формирований в боевых действиях в районе Мосула, а также их стремление изменить демографический состав населения в районах с суннитским большинством в пользу шиитов. Курды, участвующие в операции по вытеснению боевиков из Мосула, по его мнению, также крайне заинтересованы в распространении своего военного влияния в приграничных с Иракским Курдистаном районах. Общий же вектор интересов шиитских и курдских сил направлен в сторону «исключения суннитской переменной из уравнения». Ад-Дари также выразил убеждение, что и США преследуют ту же цель, т.к., по его словам, именно сунниты являются в Ираке большинством. Участие суннитских формирований (в том числе и ополчения бывшего губернатора Найнавы Асиля ан-Нуджейфи) в антиигиловских силах в Мосуле, по мнению ад-Дари, носит чисто символическое значение и направлено на то, чтобы придать им формально общеиракский характер; после окончания операции эти суннитские формирования перестанут существовать. Что касается суннитского населения Мосула, оставшегося в городе под властью ИГИЛ, то ад-Дари отметил, что, несмотря на все страдания, которые они испытывают в городе, этим людям просто некуда идти, поскольку шииты и курды тут же обвиняют их в сотрудничестве с радикалами, а с шиитской точки зрения они к тому же являются «неверными» [Bila hudud, 2016].

«Батальоны Мосула», созданные и возглавляемые бывшим председателем парламента Усамой ан-Нуджейфи, ставшим в сентябре 2014 г. одним из трёх вице-президентов, наряду с Нури аль-Малики и Айдом Аллави, хотя и выступали на стороне федеральной власти, своим статусом подчёркивали её слабость: они подчинялись ан-Нуджейфи, при том что верховным главнокомандующим по конституции является премьер-министр. А в декабре 2015 г. турки, используя в качестве предлога необходимость повышения боевого уровня «Батальонов Мосула», открыли военную базу в городе Баашика на северо-востоке Найнавы, контролировавшемся пешмергой. У турок были и другие базы, расположенные севернее и занятые противостоянием отрядам Курдской рабочей партии. А эта база, самая южная, мало того, что была создана для взаимодействия с не подчиняющимся верховному главнокомандующему формированием, так ещё и возникла безо всякого участия Багдада. Соответствующие переговоры проводил в Анкаре глава курдской автономии Масуд Барзани, хотя провинция Найнава не входит в состав Курдского автономного региона [Ar-Rantisi, 2015; Sowell, 2020, p. 9].

В конце 2014 г. одним из ключевых вопросов «суннитской политики» иракского руководства стало создание «национальной гвардии» для борьбы с ИГИЛ. Идея была поддержана США и 27 января 2015 г. получила принципиальное одобрение правительства аль-Аббади, которое даже сформировало для подготовки соответствующего законопроекта специальную комиссию под председательством вице-премьера Бахи аль-Аараджи, включающую в свой состав ряд министров, в том числе обороны и внутренних дел [Qararat majlis al-wuzara, 2015]. В феврале 2015 г. законопроект был готов. Он, в частности, предполагал, что территориальные формирования гвардии будут укомплектовываться за счёт граждан, проживающих на этих территориях, что вызвало у суннитских политиков опасения, что в ряды гвардейцев попадут и бойцы расквартированных в суннитских провинциях отрядов шиитского ополчения. Кроме того, предполагалось, что кандидатуры на посты высших командиров провинциальных гвардейских формирований должны предлагаться премьер-министром, и, хотя провинциальные советы могли выбирать финальных кандидатов из числа трёх предложенных верховным главнокомандующим, суннитскими политиками это было воспринято как ещё одно серьёзное ограничение их полномочий [Sowell, 2020, p. 9–10]. В общем, идея повисла в воздухе, и лишь Усама ан-Нуджейфи сделал отчаянную попытку номинально перехватить инициативу в деле создания национальной гвардии, переименовав собственные вооружённые формирования «Батальоны Мосула» в «Гвардию Мосула» [Sowell, 2020, p. 9].

Вполне естественно, что шиитские политики не могли поддержать суннитскую идею создания суннитского провинциального ополчения, подчиняющегося местным суннитским элитам и получающего финансирование из государственного бюджета. Помимо соображений конфессионального доминирования шиитский истеблишмент понимал, что налаженные связи политиков-суннитов, таких как ан-Нуджейфи и аль-Ханджар, с рядом региональных суннитских игроков, таких как Турция, Саудовская Аравия и Катар, в случае создания суннитских провинциальных гвардейских формирований приведут к возникновению ещё более благоприятных условий для вмешательства во внутренние дела Ирака со стороны этих государств. Правда, на фоне продолжавшихся в течение двух лет дебатов о юридическом статусе провинциальных гвардейских формирований отряды шиитского хашда, также законодательно никак не оформленные, за исключением указов сначала аль-Малики, а затем – аль-Аббади, не только продолжали существовать, но и росли в числе. В конце концов, шиитские депутаты 26 ноября 2016 г. решили вопрос, одобрив Закон об организации народного ополчения в качестве альтернативы вызвавшему столько разногласий законопроекту о национальной гвардии. Суннитские депутаты в голосовании не участвовали. Закон признавал народное ополчение силовой структурой, существующей параллельно с иракской армией и подчиняющейся верховному главнокомандующему [Taagraf, 2016].

Степень маргинализации суннитского политикума в период 2014–2017 гг. иллюстрирует и тот факт, что суннитские политики не выступали на ведущих ролях в политических кризисах общенационального масштаба. Такого рода ситуации были связаны почти исключительно с внутришиитскими разногласиями и затрагивали суннитов лишь постольку-поскольку. Первый подобный конфликт происходил в марте – июне 2016 г., когда депутаты, связанные с аль-Малики и влиятельным шиитским политико-религиозным деятелем Муктадой ас-Садром, сформировали блок «Джабхат аль-ислах» («Фронт реформы») для противостояния правительству аль-Аббади. Хотя суннит аль-Джаббури едва не лишился поста председателя парламента в результате этого демарша, он не был активной стороной в этом конфликте и его имя звучало лишь благодаря его репутации в качестве политического союзника аль-Аббади. «Фронт реформы» быстро прекратил своё существование из-за острых разногласий между аль-Малики и ас-Садром, однако тенденция превалирования внутришиитских конфликтов на общенациональном уровне в это период прослеживалась достаточно ясно.

Другим крупным кризисом стал импичмент в 2016 г. двух ключевых министров в правительстве аль-Аббади – министра обороны суннита Халида аль-Убейди и министра финансов, курда Хошиара Зебари. Формальной причиной их отстранения стали обвинения в коррупции, однако истинная подоплёка была политической. Хотя аль-Убейди и был суннитом, против него выступили его же единоверцы-сунниты – председатель парламента Салим аль-Джаббури и депутат от провинции Анбар Мухаммад аль-Карбули. Курды также не проявили тогда этнической солидарности – одна из крупнейших курдских фракций, принадлежащая Патриотическому союзу Курдистана (ПСК), отказалась выступить против импичмента Зебари, члена семьи Масуда Барзани, возглавляющего Демократическую партию Курдистана (ДПК)⁷. Примечательно, что суннит аль-Убейди на парламентских выборах в мае 2018 г. вошёл в блок шиита аль-Аббади, не рассчитывая на поддержку маргинализованного суннитского избирателя, и в итоге стал депутатом.

Борьба различных этно-конфессиональных групп на общенациональном уровне не могла способствовать стабилизации политической обстановки. Нейтрализация активного суннитского фактора в этом процессе, несомненно, уменьшала степень нестабильности, пусть лишь на время. Шииты успокоились собственным доминирующим положением, так что межконфессиональная напряжённость даже снизилась. Кроме того, растущее влияние Ирана, проводимое, в частности, посредством таких политических фигур, как лидер проиранской «Организации Бадр» Хади аль-Амири, вызывало беспокойство и в шиитском лагере, а силы, его разделяющие, консолидировались вокруг премьер-министра аль-Аббади, и суннитские политики тут не были исключением. Таким образом, активизация иранского вмешательства в Ираке стала фактором, подстегнувшим надконфессиональную консолидацию политиков, считавших его неприемлемым. В значительной степени надконфессиональность аль-Аббади сделала возможным формирование в 2018 г. смешанных предвыборных блоков, одним из которых стала коалиция, возглавляемая им самим. Суннитские политики, которых аль-Аббади удалось привлечь на свою сторону, сыграли большую роль в принятии бюджета на 2018 г., в котором Иракскому Курдистану отводилось уже не 17%, как ранее, а всего 12,67% (последняя цифра не фигурирует в соответствующем Законе о федеральном бюджете, однако высчитывается, исходя из обозначенного им принципа распределения ассигнований между провинциями в соответствии с их долей населения), а финансирование зарплат государственных служащих увязывалось с продажей не менее 250 тыс. баррелей нефти в сутки на внешние рынки через федеральное правительство [Al-Mawlawi, 2018]. Таким образом, аль-Аббади к концу своего премьерства сумел использовать суннитский политикум для укрепления центральной власти.

Очевидно, что политическая катастрофа, постигшая Ирак во втором десятилетии XXI в., в немалой степени была спровоцирована политикой центральной власти в отношении суннитской общины. Мощный импульс к её маргинализации был дан ещё американо-британской оккупацией Ирака в 2003 г., одним из пропагандистских оправданий которой было освобождение шиитского большинства от диктата опирающейся на суннитское меньшинство властной верхушки. Такое положение не могло не вызвать недовольства суннитов Ирака. Однако новая власть в Багдаде не только не принимала во внимание позицию суннитской общины, а, напротив, всячески усиливала давление на неё. Двигателем этой политики стал премьер-министр Ирака Нури аль-Малики (2006–2014 гг.), спровоцировавший массовые протесты суннитов против курса федеральной власти в 2012–2013 гг. Действия власти вызывало равное противодействие суннитской общины. Протесты сопровождались

⁷ Хотя ПСК и ДПК в 1990-х противостояли друг другу с оружием в руках, после смещения Саддама Хусейна в 2003 г. они сумели установить чёткую координацию и действовали единым фронтом, давшим трещину лишь в 2016 г. во время импичмента Зебари.

заявлениями политиков-суннитов о планах создания суннитской автономии, воспринимавшихся федеральным центром как открытый вызов.

Не удивительно, что суннитское недовольство было использовано силами, заинтересованными в дестабилизации ситуации в Ираке. Нельзя отрицать, что экстремисты из ИГИЛ, устанавливая контроль над обширными территориями на севере и западе страны, встречали значительную поддержку со стороны местных суннитских племён, надеявшихся, что их положение изменится к лучшему. Некоторые весьма влиятельные суннитские деятели даже видели в лице игиловцев «революционеров», пытаясь преуменьшить серьёзность их преступлений, что, несомненно, определённым образом скомпрометировало их в глазах власти. Вместе с тем нельзя говорить, что суннитский политикум был однороден: в нём находились силы, настроенные на сотрудничество с правительством аль-Малики, да и в целом настроения суннитов не были сепаратистскими. Суннитских политиков несомненно привлекали умеренные лидеры шиитов, отвергающие межконфессиональное противостояние, что в 2014 г. привело к смене парадигмы жесткого противостояния бескомпромиссных премьер-министра Нури аль-Малики и председателя парламента Усамы ан-Нуджейфи на парадигму осторожного, но конструктивного взаимодействия пришедших на их места Хайдара аль-Аббади и Салима аль-Джаббури.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Al-Ashair al-iraqiya as-sunniya tadfa' thaman wuqufiha dhidda Daash [Iraqi Sunni Tribes Pay the Price of Standing with Daesh (in Arabic)]. 5 January, 2015 <https://www.emaratalyoun.com/politics/reports-and-translation/2015-01-05-1.743546> (accessed: 01.01.2021).

Al-Hukuma al-iraqiya: shakkalna lajnatan lit-tahqiq fi ahداث al-Hawija [Iraqi Government: We Created Investigation Commission for Hawija Events (in Arabic)]. 24 April, 2013 <https://www.kdp.info/a/d.aspx?l=14&a=48343> (accessed: 27.12.2020).

Al-Maliki yataqaddam nataij “al-muhafazhat” wa Baghdad al-adna musharakatan [Al-Maliki Shows the Best Result in “Provincial Elections”, the Turnover in Baghdad is the least (in Arabic)]. 4 May, 2013 <https://www.alarabiya.net/arab-and-world/2013/05/04/المالكي-يتقدم-نتائج-المحافظات-وبغداد-الأدنى-مشاركة> (accessed: 05.02.2021).

Al-Mawlawi, Ali. Iraq's 2018 Federal Budget: Key Features and Trends. 17 March 2018 <https://www.bayancenter.org/en/2018/03/1461/>. (accessed: 03.01.2021).

Al-Waziri yakshif muamarat Asyl an-Nujeifi maal baathiyin [Al-Waziri Discloses the Conspiracy of Asyl an-Nujeifi with the Baathists (in Arabic)]. 11 July, 2019 <https://www.almaalomah.com/2019/06/11/411153/> (accessed: 30.12.2020).

An-Nujeifi: Tahrir al-Mosyl tahta “raya sunniya” faqat wal-jeish yantaqim min al-ahali [An-Nujeifi: Liberation of Mosul only under the “Sunni Flag”, the Army Takes Revenge at the Residents (in Arabic)]. 10 March, 2016 <https://www.almasalah.com/ar/news/36196/الأنجليفي-تحرير-الموصل-تحت-راية-سنية-فقط-الجيش-ينتقم-من-الأهالي> (accessed: 30.12.2020).

Ar-Rantisi, Mumammad. Ab'ad ziyarat Batzani ila Anqaa wa Riyadh [The Dimensions of Barzani's Visit to Ankara and Riyadh (in Arabic)]. 16 December, 2015 <http://www.turkpress.co/node/16464> (accessed: 02.01.2021).

Atwan, Abdulbari. Ad-Dawla al-islamiya: al-juzur, at-tawahhush, al-mustaqbal [“The Islamic State”: Roots, Cruelty, Future (in Arabic)]. Beirut: Dar as-Saqi, 2015.

Bila hudud - masyr sunnat al-Iraq baada maarakar Mosyl maa Muthanna Harith adh-Dhai [Without Borders – Fate of Iraqi Sunnis after the Mosul Battle – with Harith ad-Dhari (in Arabic)]. 26 October, 2016 <https://www.youtube.com/watch?v=S9LskfLO2uM> (accessed: 01.01.2021).

Dhubbat baath al-Iraq yaqudun tanzhim ad-Dawla [Iraqi Baath Officers Command ISIS (in Arabic)]. 8 April, 2015 <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2015/4/8/ضباط-بعث-العراق-يقودون-تنظيم-الدولة> (accessed: 26.12.2020).

Lahzhat zhuhur Khamis al-Khanjar ala qanat Al-Arabiya Al-Hadath wa huwa yad'u tanzhim Daash bith-thuwwar baad suqut al-Mosyl [The Moment of Hamis al-Khanjar Appearance on "Al-Arabiya" and "Al-Hadath" Calling the ISIS Revolutionaries after the Fall of Mosul (in Arabic)]. 10 March, 2017 <https://youtu.be/nBGAATtJxZ8> (accessed: 30.12.2020).

McDuffee, Allen. Iraq's Embattled al-Maliki Deploys Militia Around Baghdad to Prepare for 'Coup'. 11 August, 2014 <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/08/iraqs-embattled-al-maliki-deploys-militia-around-baghdad-to-prepare-for-coup/375849/> (accessed: 31.12.2020).

Qararat majlis al-wuzara lil-jalsa raqm 4 fi 27/1/2015 [Decisions of the Council of Ministers during the Session No. 4 on 27/1/2015 (in Arabic)]. 27 January, 2015 <http://www.cabinet.iq/ArticleShow.aspx?ID=5728> (accessed: 02.01.2021).

Ragab A. Khamis al-Khanjar Targeted by US Sanctions. 10 December, 2019 <https://www.theportal-center.com/2019/12/khamis-al-khanjar-targeted-by-us-sanctions/> (accessed: 30.12.2020).

Sinatura li Ci En En: Al-Mushkila al-raisiya bi-qital Daash hiya al-qabail as-sunniya. lam nusallihhum wal-hukuma al-iraqiya la tathiq bihim [Senator to CNN: the Main Problem of the Fight against ISIS Is the Sunni Tribes; We Did Not Give Them Weapons and Iraqi Government Does Not Trust Them (in Arabic)]. 25 May, 2015 <https://arabic.cnn.com/middleeast/2015/05/25/sotu-gabbard-disagrees-obamas-isis-asessmentcnn> (accessed: 01.01.2021).

Sowell K. Iraq's Supreme Court yields its independence to Maliki. 29 November, 2012 <https://www.thenationalnews.com/iraq-s-supreme-court-yields-its-independence-to-maliki-1.402124> (accessed: 26.12.2020).

Sowell K. Continuity and Change in Iraq's Sunni Politics: Sunni Arab Political Trends, Factions, and Personalities Since 2014. Foreign Policy Research Institute, 2020.

Taarraf ala qanun hayat al-hashd ash-shaabi [Get Acquainted with the Popular Mobilization Commission Law (in Arabic)]. 27 November, 2016 <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2016/11/27/تعرف-على-قانون-هيئة-الحشد-الشعبي> (accessed: 02.01.2021).

Tasrih rais majlis an-nuwwab Usama an-Nujeifi hayla iqlim at-taifa as-sunna fi-l-Iraq [Statement of the Head of the Council of Representatives Usama an-Nujeifi about the Region of the Sunni Confession in Iraq (in Arabic)]. 30 June, 2011 <http://www.wna-news.com/inanews/news.php?extend.29828> (accessed: 26.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КРЫЛОВ Герман Леонидович –
соискатель Центра арабских и исламских
исследований Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

German L. KRYLOV, Postgraduate Student,
Center of Arabic and Islamic Studies, Institute
of Oriental Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.